

Н.Г. Петрова

Новосибирский государственный педагогический университет

**Лексическая регулятивность на уровне высказывания:
универсальное и индивидуальное
в поэтическом дискурсе символистов**

Аннотация: В статье на материале поэтического дискурса символистов, представленного сборниками стихов «Горящие здания» (1900), «Будем как солнце» (1903) и «Только любовь» (1903) К.Д. Бальмонта, «Tertia Vigilia» (1898–1901) В.Я. Брюсова и «Собрание стихов 1889–1903» З.Н. Гиппиус, рассматриваются лексические регулятивы на уровне высказывания. Выявляется универсальное и индивидуальное в организации познавательной деятельности читателей на данном уровне.

In the article on the basis of the poetic discourse of symbolists, presented by the poetry collection «Burning Building» (1900), «We shall be as the Sun» (1903), «Only Love» (1903) by K.D. Balmont, «Tertia Vigilia» (1898–1901) by V.Y. Bryusov and «Collection of poems 1889–1903» by Z.N. Gippius, lexical regulative are regarded on the level of an utterance. The universal and the individual are revealed in organizing of cognitive activity of readers on the given level.

Ключевые слова: высказывание, регулятивные цепочки, основанные на повторе тождественных лексических единиц, регулятивные цепочки, основанные на семантической соотнесенности слов.

Utterance, regulative chains, based on the repetition of identical lexical units, regulative chains, based on the semantic correlation of words.

УДК: 811.161.1'38 + 821.161.1.

Контактная информация: Новосибирск, ул. Виллюйская, 28. НГПУ, кафедра современного русского языка и стилистики. E-mail: npetrova@ngs.ru.

Процесс постижения читателем авторской интенции через «мир текста» заключается в постепенном переходе от понимания отдельных слов к пониманию смысла высказываний, а от них – к формированию представления о смысле целого текста.

Поскольку начальный этап смыслового развертывания текста связан с восприятием читателем высказывания, то цель настоящей статьи, выполненной в рамках одного из направлений коммуникативной стилистики текста – теории регулятивности (см. о ней: [Болотнова, 1992; 1998], [Болотнова, Васильева, 2009] и др.), состоит в выявлении и описании универсального и индивидуального в организации познавательной деятельности читателя на этом уровне в поэтическом дискурсе символистов.

Материалом для исследования послужили сборники стихов «Горящие здания» (1900), «Будем как солнце» (1903) и «Только любовь» (1903) К.Д. Бальмонта [Бальмонт, 1989], «Tertia Vigilia» (1898–1901) В.Я. Брюсова [Брюсов, 1973] и «Собрание стихов 1889–1903» З.Н. Гиппиус [Гиппиус, 1991], значимые в поэтическом творчестве каждого из признанных мастеров художественного слова.

Как показал анализ, на уровне высказывания – основной коммуникативной единицы, способной отражать целый фрагмент действительности – ситуацию [Гак, 1972, с. 358], поэты широко используют различные виды повторов: разные формы одного и того же слова, однокоренные слова и др.

В данной статье остановимся на рассмотрении повторов, содержащих тождественные лексические единицы (I), и повторов, основанных на семантической соотнесенности слов (II). Эти виды повторов, с нашей точки зрения, образуют **регулятивные цепочки**, представляющие собой союзные и бессоюзные объединения семантически близких или тождественных лексических единиц, которые могут быть как в объеме слов, так и сверхсловных единиц, обусловленные микростратегией автора, отражающей его стремление актуализировать в сознании читателя важные в коммуникативном отношении элементы описываемой ситуации.

I. В зависимости от того, какой частью речи являются члены регулятивных цепочек, основанных на повторе тождественных лексических единиц, различаются следующие их виды: **именные, местоименные, глагольные и наречные** регулятивные цепочки. (Заметим, что повторяющиеся предикативные наречия [Русская грамматика, 1982, I, с. 705] / слова категории состояния (Л.В. Щерба, В.В. Виноградов и др.) рассматриваются нами в рамках наречных регулятивных цепочек).

Необходимо отметить, что у всех поэтов среди именных регулятивных цепочек, служащих для выражения субъективно-модальных значений множественности, интенсивности, полноты и исключительности, частотны субстантивные и адъективные регулятивные цепочки. Повторяющиеся имена числительные встречаются крайне редко. Ср.: *«Пятнадцать лет! пятнадцать лет разлуки! / Искать друзей иль убежать назад?» / И вдруг до плеч его коснулись руки* (В. Брюсов – далее Бр.); *Их двое, только двое: / Ребенок и она* (З. Гиппиус – далее Г.).

Любопытно, что у К.Д. Бальмонта и З.Н. Гиппиус прилагательные, образующие адъективные регулятивные цепочки, относятся к лексико-грамматическому разряду качественных прилагательных и среди них отчетливо выделяется тематическая группа, обозначающая цветовые признаки: *Весь белый, белый, белый, он лишь в себя влюблен. // Его восторг воздушный ни с кем не разделен* (К. Бальмонт – далее Бал.); *О, земля хороша, хороша, хороша!* (Бал.); *Алая, алая кровь / Тихое, тихое сердце* (Г.).

Для создания местоименных регулятивных цепочек поэты в основном используют местоимения, принадлежащие к таким лексико-грамматическим классам, как личные и отрицательные. Примечательно, что повторяющиеся местоимения принадлежат лишь к двум грамматическим разрядам: местоимениям-существительным и местоимениям-прилагательным. Ср.: *С корнем вы рвете то, что прекрасно, / В душе после вас – ничего, ничего!* (Г.); *Твоя душа – напев звенящего ручья, / Который говорит, что ты ничья, ничья* (Бал.).

Практически все глагольные регулятивные цепочки состоят из глаголов несовершенного вида. Исключением стали два случая, отмеченных нами в стихотворениях К.Д. Бальмонта, когда повторяющиеся глаголы являются глаголами совершенного вида: *Да, он придет, придет к тебе назад!; Все, что было так светло, / Что ушло – ушло – ушло*. В составе данных регулятивных цепочек у всех авторов достаточно высок процент глаголов, употребленных в повелительном наклонении, что не только активизирует деятельность читателя, но и оказывают воздействие как ауто-, так и гетеросуггестивного характера. Ср.: *Море пело о любви, / Говоря: «Живи! Живи!»* (Бал.); *Славьте, славьте неустанное / Подвиг мысли и труда!* (Бр.); *Ни счастья, ни радости – не надо. // Гори, заря, гори!* (Г.).

Наречные (или адвербиальные) регулятивные цепочки широко представлены в поэтических текстах К.Д. Бальмонта, В.Я. Брюсова и З.Н. Гиппиус: *Туда, туда! За грани вечных гор!* (Бал.); *И день не умрет никогда, никогда!* (Бал.); *Подымай-*

те, братья, посохи, / Дальше, дальше, как и шли! (Бр.); *Качают головами сонно, сонно, / И пропадают робкие виденья* (Г.); *И шла она тише да тише...* (Г.).

Анализ показал, что у всех поэтов, во-первых, лексико-грамматический разряд обстоятельственных наречий представлен лишь повторяющимися наречиями места и времени, и, во-вторых, значительную часть от общего числа повторяющихся наречий составляют определительные или собственно-характеризующие наречия [Русская грамматика, 1982, I, с. 704].

Примечательно, что в стихотворениях К.Д. Бальмонта, кроме отмеченных случаев, когда наречия характеризуют пространственно-временной континуум, действия субъектов, повторяющиеся предикативные наречия / слова категории состояния используются для передачи оценки эмоционального состояния лирического героя: *Душен мир, – в душе свежо. // Хорошо мне, хорошо; Мне страшно, страшно: как сумею / Царицу сердца восхвалить?*

Несомненный интерес представляет употребление К.Д. Бальмонтом в стихотворении «Сон» (сб. «Будем как солнце») повторяющегося предикативного наречия / слова категории, имеющего окказиональное значение: *Так луно было, луно / В моем застывшем сне...* Как видно, данное наречие, образованное от узуального относительного прилагательного, используется поэтом в метафорическом, качественном значении.

Наблюдения показали, что глагольные и наречные регулятивные цепочки преобладают не только в поэтическом творчестве К.Д. Бальмонта (см.: [Петрова, 2002]), но и у В.Я. Брюсова и З.Н. Гиппиус. С одной стороны, этот факт свидетельствует о коммуникативном намерении поэтов акцентировать внимание читателей на элементах ситуации, соответствующих предикату и сирконстантам, отражающим пространственно-временной континуум; с другой – подтверждает отмеченную И.И. Ковтуновой общую тенденцию поэтического языка XX в., состоящую в усилении признаков текста и повышении его предикативности (см. об этом: [Ковтунова, 1993, с. 102]).

Если для поэтических текстов В.Я. Брюсова характерны регулятивные цепочки, состоящие только из двух повторяющихся лексических единиц: *Смейся, смейся над тревогой, в песнях думай о победе!*, то у К.Д. Бальмонта и З.Н. Гиппиус имеют место регулятивные цепочки и из трех тождественных лексических единиц: *И утро выросло для нас, для нас, для нас* (Бал.); *Они (пауки – Н.П.) ловки, жирны и грязны. // И все плетут, плетут, плетут...* (Г.). Причем у К.Д. Бальмонта данный вид цепочек встречается чаще. Ср. замечание И. Анненского: «У Бальмонта довольно часты во фразе троения слов или речений с разными оттенками...» [Анненский, 1988, с. 159].

Повторы, выражая различные субъективно-модальные значения, могут быть союзными и бессоюзными: *И сердце простило, но сердце застыло, / И плачет, и плачет, и плачет невольно* (Бал.); *И думаю, и думаю, / Куда он пробирается...* (Бр.); *Все дождик да дождик... Все так же качается / Под мокрым балконом верхушка сосны...* (Г.); *Дорога все выше да выше* (Г.).

Следует отметить, что в поэтических произведениях К.Д. Бальмонта, В.Я. Брюсова и З.Н. Гиппиус чаще употребляются бессоюзные повторы (см. примеры, приводившиеся выше).

Думается, что использование бессоюзной связи между компонентами регулятивных цепочек, а также союзной связи, но только с сочинительным соединительным союзом «и» (или «да» в значении «и» у З.Н. Гиппиус) – часть коммуникативной стратегии поэтов-символистов, заключающаяся в том, чтобы сделать более четкими собственную мысль и эмоцию. В результате регулятивные цепочки, элементы которых связаны указанными видами связи, воспринимаются как цельные единицы (в силу равной смысловой самостоятельности элементов), максимально активизирующие внимание читателя на важном для автора фрагменте ситуации, что поддерживается также действием ритма и звуковым составом повто-

ряющихся слов. (Ср. замечание М.Л. Гаспарова о взаимодействии ритма и семантики стиха: «... в семантике фразы есть слова, более нагруженные смыслом и менее. Когда семантически сильные слова совпадают с ритмически сильными позициями, это их подчеркивает, когда не совпадают – это их сглаживает» [Гаспаров, 1994, с. 30].)

Тождественные лексические единицы могут непосредственно следовать одна за другой, т. е. располагаться контактно (см. примеры, приводившиеся ранее), или быть позиционно разделенными, например: *Тоска* – везде – навек – *тоска* *немая* (Бал.); *С врагом я, врагом, состязался в неравной борьбе, / И молча я вторил сраженный: «О, слава тебе!»* (Бал.); *Я отдал бы сердце роковому томленью, / Но в сказку, я в сказку влюблен* (Бал.); *И тише кто-то, тише / Шептался обо мне. // И капли с темной крыши / Стекали по стене* (Бал.); *С моей душой, безумной и мятежной, / С душою говорю* (Г.); *Не хочу, ничего не хочу, / Принимаю все так, как есть* (Г.); *Кричали мы: распни Его, распни!* (Г.). (Заметим, что в стихотворениях В.Я. Брюсова случаи позиционного разделения тождественных лексических единиц нам не встретились.)

Если в поэтических текстах К.Д. Бальмонта наиболее частотным является разделение элементов регулятивных цепочек подлежащим, выраженным местоимением, то у З.Н. Гиппиус каких-либо «предпочтений» нами не выявлено.

Позиционное разделение тождественных лексических единиц приводит к тому, что они оказываются в одинаковых ритмико-мелодических условиях. Это способствует дополнительной актуализации членов регулятивных цепочек и отражает коммуникативное намерение автора донести до читателя еще и прагматическую информацию. Ср. мнение И.Р. Гальперина [Гальперин, 1974, с. 148] о том, что ритм и особенно его разные размеры обладают сверхсмысловой информацией.

В поэтических текстах К.Д. Бальмонта и З.Н. Гиппиус наблюдается доминирование контактного расположения тождественных лексических единиц в рамках высказывания. Это, с одной стороны, отражает то нерасчлененное впечатление, которое сложилось в сознании поэтов-символистов о предмете, явлении и т. д., а с другой, – направляет деятельность читателя, что осуществляется за счет усиления в его сознании важных, с точки зрения авторов, элементов ситуации.

У К.Д. Бальмонта и В.Я. Брюсова повторяющиеся лексические единицы могут сочетаться с прагмемой – усилительной частицей «и» (подробнее о прагмемах и информемах см.: [Болотнова, 1992]). Она усиливает значение слова, перед которым стоит, выделяя и подчеркивая его. Ср.: *И еще, еще идут, / И одни других не ждут* (Бал.); *Оно легко змеится / Вдоль тела и лица – / И длится, длится, длится, Как будто без конца* (Бал.); *И опять, опять застонет / Легким ропотом членок* (Бал.); *И медленно, медленно образ погас, / И годы надвинулись, как знакомые маски* (Бр.).

В стихотворных текстах К.Д. Бальмонта имеют место случаи, когда повторяющиеся лексические единицы сочетаются с прагмемой – междометием «о», выполняющей одновременно две функции: модальную и интенсификации (усиления) и окрашивающей своим значением не только слово, перед которым она употребляется, но и высказывание в целом. Например: *Есть лишь три преддверья. Нужно все пройти. // О, скорей, скорее! Торопись в пути; О, наконец, наконец, / Затуманен блестящий дворец!* Ср. единичный случай с прагмемой – междометием «о» в интерпозиции, встретившийся в стихотворении З.Н. Гиппиус «Пыль»: *Молю вас, капли, тише, тише... / О, тише плачьте обо мне!*

Рассмотренные сочетания создают двойную эмфазу, так как выделяются уже выделенные (в силу повторения), важные в смысловом отношении элементы высказывания. Их использование обеспечивает экспрессивность художественной речи, что, в свою очередь, приводит к повышению эмоционально-оценочного воздействия на читателя.

В стихотворениях К.Д. Бальмонта отмечены случаи, когда повторяющиеся лексические единицы при вторичном употреблении осложняются еще и конкретизаторами, в качестве которых могут выступать: а) наречие «так», обозначающее высокую меру, сильную степень проявления какого-либо качества, действия, состояния (*И нежно, так нежно, как вздох неподвижной травы, / Шепнул он: «Я с вами, но я не такая, как вы...»*) и б) наречие «все», употребляемое в значении усилительной частицы (*И сильней, все сильней каждый раз / Вы пугались блистающих глаз*).

З.Н. Гиппиус в качестве конкретизаторов употребляет или наречие «всегда», указывающее на постоянство протекания / совершения действия: *Проходит жизнь... И в жизни длинной / Любовь одна, всегда одна*, или выделительно-ограничительную частицу «только»: *Их двое, только двое: / Ребенок и она*.

Конкретизация («накапливание» усиления) одного и того же элемента ситуации также способствует созданию прагматичности на уровне высказывания.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что повтор тождественных лексических единиц, коррелирующих с одним и тем же элементом описываемой ситуации, являясь средством создания прагматичности на уровне высказывания, в значительной мере облегчает смысловое восприятие информации читателем на этом уровне.

Любопытно, что в поэтических текстах К.Д. Бальмонта, В.Я. Брюсова и З.Н. Гиппиус имеет место особый вид лексических регулятивных цепочек, условно названный нами «перекрестный». Суть его сводится к тому, что повторяющиеся тождественные лексические единицы могут относиться к разным предметам, явлениям и др. художественного мира: *Уходи от ночи, уходи скорей* (Бал.); *Субботний день, как все, прошел, поник, / И полночь бьет, и полночь однозвучна* (Бал.); *И дорог нашему бессилью / Отдельный стих, отдельный миг* (Бр.); *Полночная тень. Тишина. // Стук сердца и стук часов* (Г.); «*Любовью, смерти не подвластной, / Люблю всегда, люблю навек...*» (Г.); *В моей душе, на миг опустошенной, / На миг встают безгласные виденья* (Г.).

Данный вид регулятивных цепочек особенно ярко представлен в творчестве З.Н. Гиппиус как на уровне монопредикативного высказывания, так и полипредикативного (сложного): *Повсюду мрак, повсюду смрад, / И проклят мир, и проклят брат*.

Представляется, что употребление перекрестных лексических регулятивных цепочек акцентирует внимание не только на повторяющейся лексической единице, но и на неповторяющихся. При этом если повторяющиеся имена существительные или имена прилагательные, как видно из примеров, позволяют передать сходство разных предметов/явлений или их признаков, то повторяющиеся глаголы дают возможность описать ситуацию полнее за счет реализации глаголом как части речи своей категориальной валентности.

II. Обратимся к рассмотрению регулятивных цепочек, основанных на семантической соотнесенности слов. В зависимости от характера семантического взаимодействия лексических единиц данный тип включает три вида регулятивных цепочек: **синонимические, антонимические и синонимо-антонимические**.

Употребление синонимических регулятивных цепочек позволяет реализовать коммуникативную установку, заключающуюся, с одной стороны, в передаче различных свойств, качеств, особенностей предметов и явлений, характера протекания действий, с другой – в выражении отношения к ним, что, в свою очередь, способствует активизации читательской деятельности. Ср.: *Где же вы, родные, близкие?* (Бал.); *Связаны, скованы словом незримым, / Двое летим мы над страхом глубин* (Бр.); *Она (русалка – Н.П.) обернулась несмело, / В комочек вся съежилась, съжалась, – прыжок – / И пеной растаяла белой* (Г.).

Глубинная мотивация использования синонимов в тексте, по мнению В.Д. Черняк [Черняк, 1994], отражает внутреннюю диалогичность процесса мыш-

ления, потребность говорящего или пишущего в нюансировке понятий. Кроме того, отмечается, что «синонимы дают возможность максимально реализовать в тексте эмотивное начало» [Черняк, 1994, с. 21].

Организация синонимов в регулятивные цепочки приводит к тому, что одни слова, мысли, эмоции, коррелирующие с фрагментом ситуации, становятся более выпуклыми, рельефными, другие же отодвигаются на задний план. Тем самым создаются условия для адекватного постижения смысла высказывания читателем.

Как показал анализ текстового материала, актуализация фрагмента ситуации может достигаться за счет употребления регулятивных цепочек, элементы которых могут быть как в объеме слов или сверхсловных единиц (словосочетаний, высказываний, часто организованных в стилистические приемы), так и представлять собой их сочетание. В связи с этим правомерно различать однородные и разнородные синонимические регулятивные цепочки.

В случае использования синонимических единиц одного уровня регулятивные цепочки являются однородными, например: *То, что в пропастях и безднах, мне известно навсегда, / Мне смеется там блаженство, где другим грозит беда* (Бал.); *Источник скуден и убог; / На камне надпись из Корана* (Бр.). В стихотворении К.Д. Бальмонта «Завет бытия» (сб. «Будем как солнце») элементы регулятивной цепочки представляют собой стилистический прием сравнения: *Мне ответил играющий ветер: / «Будь воздушным, как ветер, как дым!»*.

Нередко поэтов-символистов не удовлетворяют имеющиеся языковые средства, и они, стремясь преодолеть языковой стереотип для выражения своей индивидуальности, используют в рамках регулятивных цепочек лексические единицы окказионального типа: *Есть безгласность и тишь у преддверия Вечности* (Бал.); *Дрожжал корабль наш, мертвый, сонный, / Громадой черной перед ней* (Бр.); *Глухим путем, неезженным, / На бледном склоне дня / Иду в лесу оснеженном, / Печаль ведет меня* (Г.).

Если перед читателем представлен ряд соположенных лексических единиц в объеме слов и сверхсловных единиц одновременно, близких по значению, вовлекающих читателя в процесс «блуждания вокруг денотата» [Ляпон, 1995, с. 263–264], то имеют место разнородные регулятивные цепочки. Данный вид регулятивных цепочек, не характерный для стихотворных текстов В.Я. Брюсова и З.Н. Гиппиус, широко и разнообразно представлен в поэтическом творчестве К.Д. Бальмонта. Например, в стихотворении «Воззвание к океану» из сборника «Будем как солнце» регулятивная разнородная синонимическая цепочка со значением «*маленькая частица*» представлена оксюморонным сочетанием «*влажная пылинка*» и лексемой «*капля*»: *Дай мне быть твоей пылинкой влажной, / Каплей в вечном ... Вечность! Океан!*

Благодаря использованию данной цепочки в сознании читателя возникает устойчивый образ желаемого состояния субъекта действия (лирического героя, а через него и самого поэта). При этом одновременно с семой «*мельчайшая частица жидкости*» актуализируется сема «*отдельности, заметности*» этой частицы.

Получая распространение за счет необычного сочетания «*капля в вечном*», представляющего собой переосмысление известного фразеологизма «*капля в море*» («*ничтожное количество, пустяк по сравнению с чем-либо*»), а также последующей части сложного высказывания («*Вечность! Океан!*»), разнородная синонимическая цепочка, кроме отмеченной выше локальной функции, приобретает и концептуальную значимость, поскольку формирует в сознании читателя представление о творческом и жизненном кредо К. Бальмонта: желание остаться («*быть*») в вечности, но при этом не затеряться в ней.

Следует отметить, что для К. Бальмонта характерно употребление разнородных регулятивных цепочек, образованных по модели «*определения + сравнительный оборот усилительного типа*»: *И мертвый, бездыханный, / Как труп заду-*

тых свеч, / Я слушал в скорби странной / Вещательную речь; Не лучшие ли страдание, / Глухое, одинокое, / Как бездны мироздания, / Непонято-глубокое?

В силу того, что часть членов разнородных регулятивных цепочек, как правило, принадлежит к типовым лексическим единицам (узуальным и соответственно предсказуемым), а часть – к уникальным (окказиональным и непредсказуемым, так как они отражают авторское восприятие мира и его речевое воплощение), то данный вид синонимических регулятивных цепочек имеет узуально-окказиональный характер. (Ср. закон гармонического соответствия уникальных и типовых текстовых ассоциаций в кн.: [Болотнова, 1994]).

В целом, являясь одним из средств модификации языковых впечатлений, синонимы, будучи организованными на уровне высказывания в регулятивные цепочки, направляют деятельность читателя в нужном для автора русле.

Антонимические регулятивные цепочки не только выделяют мысли или понятия, важные с точки зрения автора, но и эмоционально воздействуют на читателя. Ср. замечание А.И. Федорова о том, что использование антонимов «всегда сопровождается определенным эмоциональным отношением к противопоставленным понятиям, если даже слова, выражающие эти понятия, стилистически нейтральны» [Федоров, 1969, с. 76–77].

Для выражения противоположности, создания контраста в рамках высказывания К.Д. Бальмонт, В.Я. Брюсов и З.Н. Гиппиус используют как однокорневые антонимы: *Вы разливае^{те}, сливае^{те}, / Не доходя до бытия. // Но никогда вы не узнаете, / Как безраздельно целен я* (Бал.); *Бесшумный в мерцанье церковной свечи, / Многошумный в пожаре...* (Бал.); *Друзьям моим и недругам – привет...* (Г.), так и разнокорневые, встречающиеся гораздо чаще в анализируемых сборниках стихов поэтов-символистов: *Я – вольный сон, я всюду и нигде: / Вода блестит, но разве луч в воде?* (Бал.); *Так в сердце и радость и горе / Сливаются в тихую нежность* (Бр.); *Упейся истиной и ложью, – / Во имя кисти и резца!* (Бр.); *Знаю свои и чужие грехи я, / Знаю, где можно от них отдохнуть* (Г.); *Нерушимы земля и твердь. // Неизменны и жизнь, и смерть* (Г.).

Кроме узуальных, поэты используют и уникальные (авторские) антонимы. Например: *И кто б ты ни был, Дух, пред кем мы пленны, / Привет мой всем, и брату, и врагу* (Бал.); *Спадает с души мучительный покров, / Все отдают они – восторг и горе* (Бр.); *Не хочу ни ломать, ни творить* (Г.). Ср. типичные антонимические пары: друг – враг; союзник – враг, поборник – враг [Словарь антонимов..., 1985, с. 104; 275]; радость – горе; счастье – горе [Там же, с. 236; 279]; ломать – создавать, ломать – созидать, творить (книжн.) – разрушать; ломать – строить [Словарь антонимов..., 1985, с. 265–266; 276].

Как известно, антонимы в художественной речи выполняют различные функции. Они могут подчеркивать прямую противоположность предметов, явлений, признаков, действий; использоваться для показа резких переходов от одного состояния к другому; обозначать противоположные направления действия или крайние, полярные точки явления или процесса, подчеркивая его целостность, значительность.

Наблюдения над поэтическими текстами показали, что поэты-символисты часто употребляют антонимы в соединительной функции. В результате этого антонимы раскрывают диалектическую сложность явлений: *В воспоминаниях светло / Живут добро и зло* (Бал.); *Картина мира хороша, / Люблю я свет и тьму* (Бал.); *Был себе я странным другом и врагом, / Но уж больше не найти себя нигде* (Бал.); *Все взвешено и все неотвратимо. // Добро и зло – два лика тех же дум* (Бал.); *И дни и ночи будет он в тревоге / Впивать вещанья, скрытые в пыли* (Бр.); *Так в сердце и радость и горе / Сливаются в тихую нежность* (Бр.); *В туман окутаны безжизненные скверы, / Сливаются в одно и небо и земля* (Бр.); *И все навек без измененья / И на земле и в небесах* (Г.); *И будет все в одном соединеньи – / Земля и небеса* (Г.); *на дне моей гордости лежит смирение, / и радость,*

и *боль* – всегда одно (Г.), все зовет меня и обещает *радость* и *мученье крестное* (Г.). Приведенные примеры демонстрируют некоторое «постоянство» в использовании К.Д. Бальмонтом, В.Я. Брюсовым и З.Н. Гиппиус ряда антонимических пар.

Отражая слитность противоположных сущностей, регулятивные антонимические цепочки приобретают концептуальную значимость в творчестве анализируемых поэтов и позволяют читателю увидеть мир их «глазами», мир, в котором соседствуют добро и зло, свет и тьма, радость и печаль.

Интересно, что у З.Н. Гиппиус (в отличие от К.Д. Бальмонта и В.Я. Брюсова) частотным оказывается употребление антонимов в сочетании с соединительным сочинительным союзом «ни...ни» и отрицательной частицей «не», в результате чего создается «зыбкость» художественного образа: *Нет смелости ни умереть, ни жить...*; *Не верю я в пророчества / ни счастья, ни бед; Мир – успокоенной душе моей. // Ничто ее не радует, не ранит; Увы! в тебе, как и, бывало, в нем / Не верность – но и не измена...*; *Не ненавидел никого / И не любил я через меру* и т. д. (Ср. строки из стихотворения «Надпись на книге»: *Мне мило отвлеченное: / Им жизнь я создаю... / Я все уединенное, / Неявное люблю.*)

Следует отметить, что у всех поэтов в количественном отношении антонимические регулятивные цепочки доминируют не только среди регулятивных цепочек, основанных на семантической соотнесенности слов, но и среди регулятивных цепочек, основанных на повторе тождественных лексических единиц, рассмотренных ранее.

Одним из эффективных способов передачи авторского представления о сложных явлениях или процессах описываемого художественного мира являются синонимно-антонимические регулятивные цепочки. Для их образования поэты используют как узусальные значения лексических единиц, так и окказиональные: *Когда же упыюсь я вином мировым, / Умру и воскресну и буду живым...* (Бал.); *И за нею другие, как белые кони, / Разметав свои гривы, несутся, бегут, / Замирают от ужаса дикой погони / И себя торопливостью жадною жгут* (Бал.); *Засыпая, помнит буду, / Что твой милый, нежный лик / Близко, рядом, где-то, всюду, – / Мой ласкательный двойник!* (Бр.); *Все благо: и жизнь! и явь! и сон!* (Г.).

Так, использование синонимно-антонимической цепочки «*боль* – *пытка* – *мучительность* – *трепетность* – *радость*» в стихотворении (точнее псалме) «Восхваление Луны» позволяет лирическому герою (и через него и К.Д. Бальмонту) передать представление о таком многогранном чувстве, как любовь: *Как называется боль безнадежная, / Сладкая пытка, мучительность нежная, / Трепетность зыбкая, радость безбрежная?*

Первые три члена «*боль*», «*пытка*», «*мучительность*» объединены общей семой «душевное страдание». Слово «*боль*» входит в синонимический ряд со словом-доминантой «*печаль*»: «*грусть, тоска, горе, боль, скорбь, горесть, сокрушение*» [Александрова, 1968, с. 355], которое, в свою очередь, является антонимом к слову «*радость*». Таким образом, чувство удовольствия, счастья в представлении К. Бальмонта и его лирического героя оказывается неразрывно связанным с душевным страданием.

Осложнение синонимно-антонимической цепочки за счет использования эпитетов («*безнадежная*», «*сладкая*», «*нежная*», «*зыбкая*», «*безбрежная*») усиливает впечатление о многогранной и противоречивой сущности любви.

В ходе наблюдений над сборниками стихов К.Д. Бальмонта, В.Я. Брюсова и З.Н. Гиппиус был выявлен особый тип лексических регулятивных цепочек, представляющий собой контаминацию двух рассмотренных типов регулятивных цепочек: содержащих тождественные лексические единицы и основанных на семантической соотнесенности слов. Ср.: *Весенний шум, весенний гул природы / В моей душе звучит не как призыв* (Бал.); *Среди земных красот, земных величий / Мне флорентинки близок лживый вид* (Бр.). Или в стихотворении З.Н. Гиппиус

«Цепь» на уровне сложного высказывания: *Идут – красивые, и безобразные, / Идут веселые, идут печальные; / Такие схожие – такие разные, / Такие близкие, такие дальние.*

Использование данного типа лексических регулятивных цепочек позволяет акцентировать читательское внимание не на одном, а на нескольких элементах ситуации, значимых для автора.

Подведем некоторые итоги.

Обращение к наиболее значимым сборникам стихов К.Д. Бальмонта, В.Я. Брюсова и З.Н. Гиппиус позволило выявить как универсальное, так и индивидуальное в организации познавательной деятельности читателя на уровне высказывания.

Частотность употребления поэтами-символистами на уровне высказывания лексических регулятивных цепочек, основанных как на повторе тождественных единиц, так и на принадлежности слов к одному семантическому полю позволяет рассматривать их (а также их виды) в качестве регулятивных универсалий.

Сходство в организации читательской деятельности на начальном этапе смыслового развертывания текста у К.Д. Бальмонта, В.Я. Брюсова и З.Н. Гиппиус состоит а) в превалировании глагольных и наречных регулятивных цепочек среди цепочек, основанных на повторе тождественных лексических единиц; б) в использовании бессюзной связи между повторяющимися тождественными лексическими единицами; в) в преобладании антонимических цепочек среди регулятивных цепочек, основанных на принадлежности слов к одному семантическому полю.

Наиболее яркими идиостилевыми особенностями лексической регулятивности на уровне высказывания являются: 1) отсутствие в стихотворениях В.Я. Брюсова позиционного разделения тождественных лексических единиц; 2) употребление К.Д. Бальмонтом синонимов в сочетании с другими стилистическими приемами с той же семантикой и разнородных регулятивных цепочек, образованных по модели *«определения + сравнительный оборот усилительного типа»*; 3) тяготение З.Н. Гиппиус к смысловой неопределенности, возникающей за счет использования антонимов в сочетании с соединительным сочинительным союзом *«ни...ни»* или с отрицательной частицей *«не»*.

Литература

- Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М., 1968.
Анненский И. Избранные произведения. Л., 1988.
Бальмонт К.Д. Стихотворения. М., 1989.
Болотнова Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. Томск, 1992.
Болотнова Н.С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте. Томск, 1994.
Болотнова Н.С. О теории регулятивности художественного текста // Stylistyka. Opole, 1998. Вып. VII. С. 179–188.
Болотнова Н.С., Васильева А.А. Коммуникативная стилистика текста: Библиографический указатель по научному направлению. Томск, 2009.
Брюсов В.Я. Собр. соч.: В 7 т. М., 1973. Т. 1.
Гак В.Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. 1972. М., 1973. С. 349–372.
Гальперин И.Р. Информативность единиц языка. М., 1974.
Гаспаров М.Л. Лингвистика стиха // Изв. АН. Серия лит. и яз. 1994. Т. 53. № 6. С. 28–35.
Гиппиус З.Н. Сочинения: стихотворения; проза. Л., 1991.

Ковтунова И.И. Введение // Очерки истории языка русской поэзии XX века: Грамматические категории. Синтаксис текста. М., 1993. С. 101–106.

Ляпон М.В. Языковая личность: поиск доминанты // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М., 1995. С. 260–276.

Петрова Н.Г. Лексические регулятивы на уровне высказывания в поэтических текстах К.Д. Бальмонта // Вестник Томского государственного педагогического университета. Вып. 1 (29). Серия: Гуманитарные науки (Филология). Томск, 2002. С. 32–38.

Русская грамматика. М., 1982. Т. 1–2.

Словарь антонимов русского языка: более 2 000 антоним. пар / Под ред. Л.А. Новикова. М., 1985.

Федоров А.И. Семантическая основа образных средств языка. Новосибирск, 1969.

Черняк В.Д. Формирование синонимических сетей и некоторые закономерности воплощения языковой личности в тексте // Языковая личность: проблема выбора и интерпретации знака в тексте. Новосибирск, 1994. С. 15–23.